

Татьяна Эйхман

Художник родной земли

1965 год. Мне было девять лет, когда впервые отец взял меня с собой в Прислониху и предупредил: “Сейчас ты увидишь профессора рисования!” Я, конечно, не знала что это такое, но что человек должен быть необычным сообразила. Кто знает, зачем я взяла вырезанную мной из податливого камешка фигурку. Естественно, я не имела никакого понятия о свойствах поделочного камня. Вырезала танцующую девушку да покрасила красками, они впитались в известняк, поблекли. Само собой разумеется, что в то время я ничего не знала о творческих поисках Пластова, тонких и чистых идеях его картин, не знала об огромном жизненном и профессиональном опыте, который приобретен был в постоянном труде над каждым эскизом, каждой картиной.

Вот выходит из ворот высокий, седовласый, не толстый мужчина в косоворотке, совершенно не похожий на всех других, выходит он из резных ворот, а рядом с ним огромная собачина (он ей: “Арго! Тихо!”). А там, во дворе, какое-то чудовище из дерева сделано, и блестят среди лета сосульки серебряные (это потом уже я узнала, что свинцовые тюбики из-под красок расплавили и они превратились в такие сказочные висюлины). И сам человек говорит необычно, витиевато, улыбаясь, здоровается с моим папой и со мной за руку. Разговор у них о делах ветеринарных: о коровах, болезнях, надоях, летнем содержании. Странно, отец мой ветеринарный врач, а Пластов-то откуда мелочи ветеринарии знает? Аркадий Александрович показал нам свою мастерскую: там всё интересно! Всё! Но на всю жизнь запомнила я лесных плясуний из корней деревьев, фигуры из кустарника и нежный лазурный цвет вазы, привезенной им из Италии. И в доме художника так же необычно. Во-первых, не было обоев и побелки, а были бревна стены, на которой висели часы, портреты. Во-вторых, в доме, как в биб-

лиотеке, на стеллажах множество книг разного формата, с вложенными закладками и заметками. Вот это да! А сколько он показал этюдов! Цветы, наклонившие головки и раскрывшиеся навстречу солнцу, коровы и телята, лошади разных мастей. Мне не верилось, что это все под силу сделать одному человеку. В моих глазах Художник вырос в многорукого гиганта, который рисует, рисует и днем и ночью. Я с наивностью протянула ему приготовленную фигурку. “О!” - воскликнул он. - Какая посадка головы! Тань, ты когда вытаскивала фигурку, о чем думала?” Я, стесняясь, что-то мямлила, а он говорил моему папе, что все дети видят мир по-своему, взрослые не умеют обращать внимание на некоторые мелочи, улавливаемые детским глазом. И глаз художника должен иметь такую же зоркость. “Давай, посиди немного - я набросаю твой портрет”, - сказал художник. Но я вдруг взглянула на себя со стороны: полинялое, выгоревшее от беготни на солнце платье, облупленный от загара нос, цыпки на руках, обшарпанные красные сандалии на голых ногах, не очень опрятные косички с выгоревшими на солнышке прядками. Покраснела, спрятала руки в кармашки платья, прижалась к отцу. “Нет, что вы, нет-нет, прости!”

...Когда мы ехали по проселочной дороге из Прислонихи в Языково, папа спросил меня: “Что, Танька, зас-теснялась? Вот так цыпки-то разводите!” Он всё понял, мой папка.

Прошли годы... В Москве в Манеже уже после смерти Пластова была развернута его выставка. Дольше всех я стояла у картины “Лето”, где под ивой отдыхает пастух, течет небольшая речушка, коровы рады, что их вымя освободили от молока хозяйки в выц-ветших от солнца платьях. Вот она - наша родная сторонка. Какая красота! Смотрела и вспоминала Аркадия Александровича.

